

ДВОР ВОЛОГОДСКОГО АРХИЕПИСКОПА В XVII в.

Российская государственность допетровских времен представляет собой уникальный феномен в том смысле, что светское и духовное начало были очень тесно переплетены, взаимообусловлены друг другом, взаимодополняющи и схожи в своем историческом движении. Ученые говорят о «симфонии» властей. Освященные культурой, традицией, историей, «священство» и «царство», хоть и представляли в известном смысле некую оппозицию, но все же являли собой образец гармоничных, направленных к вящей пользе Отечества, укрепленных Богом отношений. В древнем русском этносознании, наполненном религиозными мотивами, царская власть, не освященная авторитетом православной церкви и религиозным таинством, просто немислима. «Царство и Церковь имеют между собой тесное единение и общение, и невозможно отделять одно от другого»¹.

Уподобление двух важнейших социальных институтов прослеживается как в формальных (например, схожесть величальных титулов государей и митрополитов (затем патриархов), так и в организационных, структурных и функциональных моментах (например, единоначалие, строгая иерархия и субординация, организация и методы управления и деятельность как хозяйствующих субъектов).

Данная работа посвящена истории двора Вологодского архиепископа, регулировавшего не только внутрицерковные, внутрипархиальные дела, но и определённые вопросы светской жизни. Первоначально древнерусское слово «двор» обозначало как огороженную часть земли вокруг жилого дома, так и определённую совокупность людей, находящихся в зависимости от хозяина дома, т.е. во втором значении термин «двор» получил социальную нагрузку². С XVI века у слова «двор» появляется третье значение - хозяйственно-административного учреждения. Таким образом, слияние трёх значений определило понятие «двор архиерея», отражая тот смысл, который вкладывали в него современники.

Церковная история в различных аспектах и ракурсах была предметом размышлений многих учёных, однако теме церковного администрирования уделялось ничтожное внимание, хозяйственно-управленческие структуры церкви описывались вскользь, походя, подсобным образом. Только один раз архиерейский двор, и то лишь XVIII века, стал самостоятельным объектом изучения в книге И. М. Покровского³. Прямой историографии по теме не выявлено.

Между тем исследование истории архиерейского двора как проводника церковной и светской политики может пролить свет на множество сюжетов взаимодействия церкви, государства и общества. Интересно проследить, каким образом и из каких социальных слоев рекрутировались во двор служилые архиерея, какое место они занимали в общегосударственной феодально-служебной лестнице, выявить типические и инаковые черты в служебном и экономическом положении, к примеру, архиерейского сына боярского и члена местной феодальной корпорации. К сожалению, большинство этих сюжетов останется за пределами рассмотрения настоящей работы. Более всего, как не исследованные вовсе, нас интересуют структура Вологодского архиерейского дома, персональный состав, служебный, родословный и землевладельческий статус членов двора.

Хотя родство церковных и государственных хозяйственно-административных организмов является генетическим, оно не нивелирует их закономерную специфику и неповторимость. Комплекс решаемых задач двором архипастыря и двором государя, методы их решения, социально-экономический характер хозяйственной деятельности однотипны. Церковь, с течением времени аккумулировавшая огромные земельные и финансовые богатства, столкнулась с задачей эффективного управления последними и наивыгодным образом заимствовала формы и механизмы для такого управления у светской власти. Духовный пастырь становился и духовным вотчинником и духовным сюзереном, рукоположенным в сан купцом и продавцом, включаясь в суету мирских поземельных и иных отношений, создавая сеньориально-вассалитетные связи, отправляя полицейско-административные функции. Таким образом, духовные и светские государи, играя подобные роли, попадали в одно культурно-правовое поле, тем самым уравниваясь друг с другом, руководствуясь в своей практике объективными экономическими законами, требованиями традиции и права, культурными и идеологическими установками, в конце концов, элементарным человеческим здравым смыслом. Естественным становится процесс складывания двора вокруг фигуры церковного иерарха.

Круг источников по истории двора Вологодского архиепископа XVII в. довольно широк. Часть из них опубликована, другая находится в федеральных и местных музейных и архивных собраниях. Укажем важнейшие источники. Во-первых, комплекс приходо-расходных книг (погодных) архиерейского дома. Вологодские фонды хранят 16 книг 1615 - 1690 гг⁴. Помимо интересных кратких сведений о каждодневном функционировании архиерейского двора в них содержатся росписи штатов архиерея с персональным денежным жалованьем, надбавками, долгами и штрафами. Именно по этим, так называемым «жаловальным» книгам, восстанавливается номенклатура должностей, персональный состав двора и денежное обеспечение его членов. Определённую информацию можно почерпнуть из отписных книг имущества от одного

архиерея к другому. При испомещении архиереем на вотчинных землях Софийского дома своих приказных и детей боярских составлялись отказные книги, которые повествуют об их реальном землевладении, населённости имений, угодьях. По Вологде XVII-XVIII вв. наиболее полный комплекс отказных книг собран в РГАДА⁵. Об обязанностях, видах деятельности, поручениях («посылках») архиепископских служилых людей сведения по крупницам можно извлечь из актового материала. Наиболее полным опубликованным собранием столбцов архиерейского дома XVII-XVIII вв. является серия из 13 выпусков, вышедших под руководством председателя Постоянной церковно-археологической комиссии любителей истории и древностей при Вологодском епархиальном древнехранилище И. Н.Суворова⁶. Эта серия представляет малую часть коллекции столбцов ГАВО, описание которой находится в стадии завершения⁷. Даже по этому, далеко не полному корпусу источников удастся реконструировать относительно подробную картину жизни и функционирования Вологодского архиерейского дома.

Рассмотрим структуру архиерейского двора в XVII в. В своих общих чертах она сложилась в предыдущем столетии; XVII век лишь окончательно закрепил и оформил систему церковного администрирования.

«Святительский двор» как хозяйственно-административное учреждение заключал в себе два приказа: Казенный и «Судный приказ духовных и росправных дел». Принцип единоначалия обеспечивался должностью архиерейского приказного, которому были подчинены главы приказов - приказные дьяки. В Судном приказе, имевшем больший объем работ, было два приказных дьяка⁸. Среди высших фигур этого приказа была еще одна должность, замещавшаяся монахом, чаще всего в сане игумена⁹. В свою очередь, им были подчинены дьяки и подьячие.

Помимо приказов святительский двор содержал многочисленные «службы»: ризницу, поварни, просвирни, конюшни, житницы, погреба, часовую и портную мастерские, сторожевую службу, библиотеку и т. д., также требовавшие расторопного управления. К тому же Софийский дом владел на вотчинном праве несколькими пригородными селами (Ананьино, Белое, Григорьевское, Ивановское, Реброво, Степановское, Цыбоево), в которых находилась церковная администрация в лице посельских старцев, конюхов, коровников, келейников и других¹⁰.

Обширность Вологодской епархии создавала объективную потребность иметь личного представителя архиепископской власти вне пределов кафедральной Вологды в главнейших пунктах епархиального округа. Так появилась должность архиерейского наместника, а местом его пребывания стала далекая Усть-Вышь, ставшая в середине XVII в. предметом долгих споров Вологодского и Вятского епископов¹¹. В своей деятельности усть-

вымский наместник во всем, кроме хиротоний, старался заменить своего архиерея и свой суд производил, подобно архиепископу, соборно. Скудость источников не позволяет должным образом осветить интереснейший институт архиерейских наместников в исторической динамике.

Остановимся подробнее на чинах архиерейского двора, их численности, обязанностях, карьере, денежных и поместных окладах.

Главнейшим человеком, возглавлявшим двор и выполнявшим архиерейские указы, был *приказный*. Он был светским лицом. Годовое денежное жалованье приказного равнялось 30 руб. (оклад стольника государева двора)¹². Эту должность замещал человек преимущественно дворянского происхождения. Известны приказные: князь Григорий Федорович Дябринский (из белозерских князей) (уп. 1635-1649 гг.), Андрей Степанович Палицын (уп. 1646 г.?), Артемий Семенович Домовский (уп. 1653 г.), Василий Григорьевич Данилов-Домнин (уп. 1654-1671 гг.), Борис Иванович Морков (уп. 1681 г.), Иван Григорьевич Александров (уп. 1686-1690 гг.), Федор Быков (уп. 1694-1696 гг.), Василий Иванович Борисов (уп. 1701 г.). Возможно, в первой половине XVII века в приказных были Борис и Глеб Исаковичи и Матвей Никитич Патрикеевы. Неопределённость возникает из-за нечёткого титулования в источнике. Так, и приказный, и приказный дьяк, и даже приказчик какой-либо вотчины зачастую именовались туманно - «приказный». Из этого списка виден относительно высокий родословный статус приказных. Однако к концу XVII в. двор всё чаще возглавляют люди неродословные, чьё дворянское происхождение иногда стоит под сомнением. О высоком положении приказных говорит их величание в документах по отчеству с «вичем». Среди их повседневных дел были в основном судебные разбирательства («слушать допросные речи»). Также они контролировали бюджет архиерейской казны, проводили ревизию имущества (в 1645 г. кн. Г.Ф. Дябринский пересмотрел и переписал в архиерейском погребе все «погребные сосуды» после чашника Игнатя Воронова), держали отчет перед государевыми писцами во время переписей 1628, 1646 и 1678 гг., скрепляли рукоприкладством и личной печатью ответственные бумаги¹³. Вероятно, они направляли и кадровую политику двора.

В своем подчинении приказные имели *приказных дьяков* и остальной штат приказов (дьяков, подьячих). Приказные дьяки возглавляли и координировали всю деятельность приказа. Являясь неременными помощниками приказных, приказные дьяки в основном вершили те же дела. Помимо судебных (разбор дел проходил коллегиально) на приказных дьяков возлагались полицейские функции (ставили к суду ответчиков и свидетелей, разыскивали и выдавали беглых крестьян). Они выполняли фискально-финансовые поручения (рассчитывались с государевой казной, аккумулировали оброчные платежи и пошлыны с вотчин и приходов), хранили делопроизводственную доку-

ментацию, заверяли грамоты (так называемая «дьячья припись» и «скрепа по сставам»)¹⁴.

Социальные источники дьячества более разнообразны. Несомненно, среди них были дворяне (Артемий Петрович Озеров, Пётр Иванович Ташлыков, Дементий и Иван Алленевы). Но в основном они рекрутировались из среды мелкой земской или архиерейской бюрократии, посадских кругов, духовенства. Обычно дьячья служба продолжалась в пределах десятилетия, так как дьяками становились уже в более чем зрелом возрасте, до этого пройдя управленческую школу в подьячих или архиепископских детях боярских. Уникален в этом смысле лишь случай архиерейского дьяка Данила Петровича Столбицкого, исправлявшего должность в течение 32-х лет, а может, и долее¹⁵. Дьяков на протяжении всего XVII века архиереи жаловали двадцатью пятью руб. в год. Помимо денежного оклада они верстались поместьями из софийских домовых вотчин.

Вся рутинная делопроизводственная работа приказов лежала на подьячих. Состав подьячих был довольно пестрый по социальному происхождению, причём подавляющее большинство подьячих было недворянского происхождения. Из них лишь очень незначительная часть выслуживалась в дьяки. В их обязанности входило наведение справок, они принимали челобитья, составляли выписки, «белили» документы, выходившие из приказа, то есть являлись переписчиками. К тому же они дозирали церковные земли, закупали провиант и товары для нужд архиерейского дома, командировались с поручениями в Москву и по городам, собирали церковную десятину по уездам, входившим в епархиальный округ¹⁶. За службу они получали от 2 до 7 рублей в год. Численность подьячих была невеликой: в 1690 году жалованье получили всего 6 подьячих, а в середине века их было и того меньше. В 1649 г. в Казенном приказе отмечен лишь один подьячий - Алексей Андреев¹⁷; а в 1660-1670-х годах в нем, видимо, был также один подьячий Григорий Георгиев сын Чернов. Эта малочисленность (хотя и относительная, так как в 1668 г. в центральном Аптекарском приказе было всего 2 подьячих, а во Владимирской, Галицкой, Костромской четях - от 5 до 8)¹⁸ объясняется тем, что функции подьячих отчасти выполнялись другой, более пространной количественно группой служилых - *певчими*.

Певчие или певчие дьяки или подьяки (подьяконы) были придворными певцами кафедральной хоровой капеллы. Помимо основного рода деятельности они занимались «богоугодными делами», как-то: перепиской и поновлением богослужебных книг, иконописанием, составлением синодиков, были «во услужении» у архиерея. Архиерейским певчим был небезызвестный Иван Слободской, «первый вологодский историк»¹⁹. Количество певчих не было стабильным. На жалованье, которое составляло от 40 алтын до 7 рублей (!) в

год, было: в 1648 г. - 17, в 1652 г. - 18, в 1676 г. - 27, в 1690 г. - 25 певчих²⁰. Ни среди подьячих, ни среди певчих архиерейских помещиков неизвестно.

Ещё одну многочисленную чиновную группу двора составляли *архиепископские дети боярские*. При дворе постоянно находилось от двадцати до тридцати сыновей боярских, но их было гораздо больше. Не все они верстались денежным окладом. В 1652 г. «зарплату» получили лишь семеро (самый крупный годовой денежный оклад равнялся 10 руб., а в среднем - 4-5 руб.). Основная масса детей боярских была испомещена на архиерейских землях. Например, в 1664 году, в разгар войны с Речью Посполитой, архиепископу Симону пришлось «по указу великого государя ... отпустить с софийских вотчин на его государеву службу домовых конных детей боярских со всею полною службою и з запасы всего 28 человек»²¹.

Сословное происхождение архиепископских детей боярских менее однозначно, чем уездных детей боярских. Безусловно, значительная часть детей боярских Вологодского архиепископа принадлежала к дворянскому сословию, провинциальным «служилым по отечеству». В архиепископских детях боярских в разное время ходили представители таких, несомненно, дворянских фамилий, как Александровы, Болтины, Головкины, Горяиновы, Дерябины, Ефремовы, Карауловы, Мартемьяновы, Палицыны, Розварины, Сукины, Сумороковы, Суровцовы, Таракановы, Токмачевы, Шестаковы, Юрьевы, др. Но бывали случаи, когда до чина сына боярского дослуживались представители непривилегированных слоев общества и чиновная мелкота архиепископского двора: певчие дьяки (Константин Кириллович Грешново), дворовые люди (например, Игнатий Васильевич Величкин), купцы (Семен Никитин (Соловецкий), из среды духовенства (Иван Шапкин)²². Спектр обязанностей детей боярских был необычайно широк. В основном они играли роль военно-охранного корпуса архиерея, но выполняли и сугубо гражданские административные поручения.

Дети боярские замещали различные должности. Так, Филипп Иванович Караулов и Федот Кузмич Борзунов, будучи устьвымскими наместниками, вершили церковный суд²³. Архиепископские дети боярские межевали и отводили землю, досматривали церковные уголья, мельницы, описывали имущество. Они же управляли домовыми вотчинами в должности приказчиков. Есть интересный акт, повествующий об их обязанностях. Сын боярский Фёдор Ярофеевич Тороканов, «ведавший как прикащик софейскую вотчину в уезде Соли Вычегодской - село Никольское з деревнями, крестьян и половников, пахав и собирая сполна с крестьян подати государевы - данные и оброчные и в ямскую гоньбу и стрелецкие и полоняничные и за сибирской и за смоленской четвериковой запас и в наем даточным людям на государеву службу и домовый денежной оброк, этих денег плутнею и дуростью своею в государеву казну и в софийскую не платил пять лет»²⁴. Кроме всего приказчики

чинили допросы, рядили крестьян в даточные солдаты, правили с них оброки, исполняли наказания крестьян (кнутом и батогами), разыскивали беглых, вели ужинно-умолотные книги и т. д. Территории, подвластные архиерейским приказчикам, были достаточно обширны, поэтому приказчики имели несколько помощников (все документы адресовались «прикащику с товарищи»).

Дети боярские облекались ещё одной должностью, они были *стряпчими*. Важно заметить, что если при дворе царя стряпчие составляли отдельный чин, то при архиерейском дворе «стряпня» представляла собой особую должность. Стряпчие несли свою службу преимущественно в Москве²⁵, представляя интересы Вологодского архиерейского дома в столичных административных, церковных, торговых кругах. К примеру, стряпчий Иван Суворцов в 1664 г. даже ходатайствовал перед государем о «напрасных нетчиках и о лишних людех»²⁶. Стряпчих было не много, редко их число доходило до 4 чел. (в 1676 г.)²⁷, в основном - 2. Их положение было выше рядовых детей боярских - об этом говорят более высокие оклады (8-10 рублей) и то, что рубрика «Архиепископлим стряпчим» всегда находилась выше рубрики «Детем боярским» в жаловальных книгах. В стряпчих служили подолгу. Тот же Иван Суворцов показан архиерейским стряпчим в 1659 г., а в 1690 г. был «отпущен к Москве в стряпню на перемену стряпчему Афонасию Головкову»²⁸.

Архиерейские дети боярские зачастую неотличимы от ещё одной чиновной категории двора архиепископа - *дворовых людей*, живших при дворе и исполнявших специфические хозяйственные работы (истопники, дворники, огородники, плотники и гвоздари, швецы (швали), часоводы, дулщики (?), пономари, сторожа, житники, ключники и подключники, чашники, конюхи, кузнецы, приспешники, «поваренные робята» и т.д.). Такое сближение прослеживается в кругу обязанностей и поручений, в размере денежного довольствия, а иллюстрацией являются краткие любопытные записи расходных книг о повседневном быте двора архиерея: «...отпущен[ы] на встречу ево архиепископа домовые дети боярские Иван Караулов, Данило Розварин с домовыми людьми;...сын боярской Никифер Гладкой посылан был с Вологды к Москве с рыбой;...посылан был конюх Максим Розувай до Ростова для рыбы и для меду;...сын боярской Василей Александров с домовыми людьми посылан к Москве с рыжыками;...сын боярской Сергей Скорово купил уголья в кузницу; ...домовой человек Елизар Широкой купил на обивку гвоздья, ...в кузницах пилу точил;...домовой сын боярской Пантелей Быков купил к столу ушкой живой рыбы три налимца, ... в ключню к столу масла семенного полпуда;...домовой сын боярской Федор Быков купил про домовой обиход для дворовых людей кадь груздей ведра с четыре;...под архиепископль возок дровни дубовые» и т. д.²⁹. Численность дворовых находилась в пределах 30 - 45 человек, а оклады - от 60 алтын до 5 рублей в год.

Такой предстаёт чиновная лестница двора Вологодского архиепископа в XVII веке.

Нужно сказать, что служить при дворе начинали сызмлада, так же, как и 15-летние недоросли при дворе государя. Показательна служебная карьера Ивана Беляева, который с 1632 г. по 1648 г. называется в документах архиерейским сыном боярским, в 1676 г. мы находим его среди дворовых людей с окладом 4 рубля в год, а в 1690 г. он значится приказчиком подмосковной вотчины³⁰. Служили архиерею долго, по 20 - 40 лет, уходя с поста за телесной немощью, часто в монастырь. Нами замечен лишь один случай, когда человек оставил архиерейскую службу ради земской (Иван Дерябин)³¹.

На протяжении всего изучаемого периода ярким пятном в истории двора Вологодского архиерея является семейственность службы, наличие, так сказать, «рабочих династий». Архиерею служили целыми фамилиями (Александровы (5 чел.), Бебеховы (6 чел.), Блиновы (8 чел.), Горяиновы (5 чел.), Ефремовы (12 чел.), Патрикеевы (5 чел.)). Наследственность архиерейской службы была в семьях Беляевых, Болтиных, Быковых, Головковых, Домовских, Кудрявцевых, Немытого, Озеровых, Розвариных и др. К примеру, князя Дябринские служили Вологодскому архиерею с 1592 г.³². Предки Беляевых и Болтиных показаны детьми боярскими Вологодского владыки в 1558 г.³³.

Финансовая состоятельность архиерейских приказных и детей боярских оставляла желать лучшего. Изрядное количество служилых по несколько лет оставались в кабальной денежной зависимости от архиерейской казны. В 1660 г. в казне хранилось 44 кабалы на приказных, дьяков, детей боярских, певчих и дворовых ценою от полтины до 80 рублей³⁴. Иногда долг отцов переходил к сыновьям и даже внукам и погашался через десятилетия. Реже случалось, что архиерей прощал недоимки. Так, только через 32 года внук Петра Озерова был освобожден от уплаты дедовского долга (10 руб.), а в том же 1669 г. «по архиепископлю указу а по челобитью Мартемьянова сына Стефана Ефремова выдана ся кабала [1648 г. - Д.Г.] ему для ево скудости безденежно»³⁵.

Помимо жалованья источником средств существования для архиерейских людей выступали доходы с пожалованных поместий. Архиереи, как и светские государи, верстали своих служилых земельным окладом. К сожалению, нормы окладов в четьях для архиерейских приказных и детей боярских пока не известны, но реальное землевладение можно проследить по предлагаемой таблице (см. приложение I).

В среднем архиерейский помещик владел 80 - 90 четьями «добррой, средней и худой земли» в одном поле. Поместный оклад зависел от знатности, чина и выслуги лет. Норма барской запашки (10-12 четвертей в одном поле) примерно равнялась такой же у рядового сына боярского, служившего «з

городом». Населённость имений оставалась низкой: в 92 крестьянских и бобыльских дворах книга зафиксировала 112 душ мужского пола. В раздачу шли земли расположенной недалеко от Вологды Засодимской волости с тем, чтобы для помещиков не было неудобств при прохождении архиерейской службы.

Подводя предварительный итог, можно определенно сказать, что архиерейский двор представлял собой сложный, самоорганизующийся аппарат церковного администрирования, элемент региональной и общегосударственной системы управления. Чиновная структура и хозяйственное устройство архиерейского двора, сформировавшись в XVI - начале XVII вв., претерпели незначительные изменения.

Другая ситуация - в количественном и социальном параметрах двора. Можно проследить чёткую тенденцию размывания аристократической дворянской верхушки архиерейского двора посадской демократией со второй половины XVII столетия. Несомненным является факт количественного разрастания двора. Светский элемент, проникший в церковное управление, увеличился до громадных размеров³⁶. В 1690 г. только на жалованье находилось до 140 человек дворовых людей, но это число будет большим, если учесть испомещённых служилых архиерея.

Структурное и функциональное назначение архиерейского и государева двора в известной степени подобны. Ни в коем случае не уравниваясь, соблюдая свою специфику, государев и церковный двор сформировались на подобных организационных, экономических, политических принципах, вписались и заняли своё место в системе общественных связей Московского царства.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Митрополит Московский Макарий. История русской церкви. СПб., 1886. Т.V. Кн.2. С.480-481.

² Подробнее см. Колесов В. В. Мир человека в слове Древней Руси. Л., 1986. С.199-201.

³ Покровский И. М. Средства и штаты великорусских архиерейских домов со времени Петра I до учреждения духовных штатов в 1764 г. Казань, 1907.

⁴ Приходо-расходные книги Вологодского архиерейского дома: ГАВО. Ф.948. Оп.1. Д.1 (1615 г.); Д.2 (1620 г.); Д.3 (1621 г.); Д.4 (1624 г.); Д.5 (1626 г.); Д.6 (1627г.); Д.7 (1632 г.); ВГИАХМЗ. ОПИ. ВОКМ-2166 (1641 г.); ВОКМ-2167 (1648 г.); ВОКМ-2165 (1651 г.); ВОКМ-2307 (1660 г.); ВОКМ-2284 (1662 г.); ВОКМ-2305 (1671 г.); ВОКМ-2282 (1676 г.); ВОКМ-2040 (1682 г.); ВОКМ-9550 (1690 г.).

⁵ РГАДА. Ф.1209. Оп.2. Д.14821-14878а (1612-1758 гг.).

⁶ Описание собрания свитков, находящихся в Вологодском епархиальном древнехранилище (ОСВЕД).

- ⁷ ГАВО. Ф.1260; Подробнее см. Судаков Г.В. И заговорили безмолвные свитки... // Вологда: историко-краеведческий альманах. Вологда, 1994. Вып. 1. С.316-325.
- ⁸ ВГИАХМЗ. ОПИ. ВОКМ-2165. Л.354.
- ⁹ ОСВЕД. I, 17, 19, 20; V, 23.
- ¹⁰ Там же. II, 12, 13.
- ¹¹ Камкин А. В. Православная церковь на Севере России. Вологда, 1992. С.95.
- ¹² Государев двор в России (конец XV - начало XVIII веков). Каталог книжной выставки Российской публичной исторической библиотеки. М., 1997. С.11.
- ¹³ ОСВЕД. I, 35; II, 11, 13.
- ¹⁴ Там же. I, 6, 17, 25, 27; II, 43.
- ¹⁵ Там же. I, 25; II, 17.
- ¹⁶ Там же. I, 18; ВГИАХМЗ. ОПИ. ВОКМ-9550. Л.1, 194, 196.
- ¹⁷ «Повесть о чудесах» Герасима Вологодского // Вологда: краеведческий альманах. Вологда, 1997. Вып. 2. С.603.
- ¹⁸ Чернов А. В. К истории Поместного приказа // Труды Московского историко-архивного института. М., 1957. Т. IX. С.223.
- ¹⁹ Подробнее см. Малинина Н. Н. К биографии вологодского летописца Ивана Слободского // Послужить Северу... Вологда, 1995. С.79-84.
- ²⁰ ВГИАХМЗ. ОПИ. ВОКМ-2167; ВОКМ-2165; ВОКМ-2282; ВОКМ-9550.
- ²¹ ОСВЕД. I, 12.
- ²² ОСВЕД. V, 41; ВГИАХМЗ. ОПИ. ВОКМ-2160. Л.113 об.; ВОКМ-2165. Л.273, 336 об.; ВОКМ-2282. Л.31.
- ²³ ОСВЕД. I, 7; II, 12, 13.
- ²⁴ Там же. I, 9.
- ²⁵ ВГИАХМЗ. ОПИ. ВОКМ-9550. Л.198; ОСВЕД. I, 10, 11.
- ²⁶ ОСВЕД. I, 12.
- ²⁷ ВГИАХМЗ. ОПИ. ВОКМ-2282. Л.27 об.-28.
- ²⁸ См. прим. 24.
- ²⁹ ВГИАХМЗ. ОПИ. ВОКМ-2282. Л.2 об., 11 об., 12 об., 14; ВОКМ-9550. Л.172, 194 об., 203 об., 204.
- ³⁰ Сотня с вологодской писцовой книги 1628 - 30 гг. ... на вотчину Введенского Корнильева монастыря 30 декабря 1631 г. (Публикация Ю. С. Васильева) // Городок на Московской дороге. Вологда, 1994. С.112; ВГИАХМЗ. ОПИ. ВОКМ-2167. Л.443 об.; ВОКМ-2282. Л.31; ВОКМ-9550. Л.209.
- ³¹ ВГИАХМЗ. ОПИ. ВОКМ-2282. Л.30 об.; ОСВЕД. V, 40.
- ³² Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50 - х гг. XVI в. / Подготовил к печати А. А. Зимин. М., 1950. С.245.
- ³³ РГАДА. ГКЭ (Белозерск). № 9691.
- ³⁴ ВГИАХМЗ. ОПИ. ВОКМ-2160. Л.3 об.-113 об.
- ³⁵ Там же. Л.26, 26 об.
- ³⁶ Карташев А. В. Очерки по истории русской церкви. М., 1991. Т. I. С.192.

Приложение I

**Землевладение приказных людей и детей боярских
вологодского архиепископа на 1628-29 гг.
(Вологодский уезд, Засодимская волость)**

№ п/п	Помещик	Имяне	Дворов			Сена (в коп- нах)	Пашни (в четях в 1 поле)	
			помещи- ковых	крестьянских и Бобыльских	пустых		помещи- ковой	крестьян- ской
1	кн. Григорий Федорович Дябринский	д. Кадниково		10		90		34
		д. Черепово		4		10		20
		пуст. Олексейцево						58
2	ад. кн. Анна Васильевская жена Дябринская	д. Ягодино	1	1		40	8	16
		пуст. Сысойцево						30
3	Матвей Патрикеев	д. Мурга Меньшая	1	2		50	15	13
		д. Кобылкино		3		40		28
		д. Елшин починок		4		20		22
		пуст. Курякино Меньшое				25		10 1/2
4	Пётр Озеров	д. Ведерница	1	7		61	20	40
		1/2 д. Чуприно		3		10		24
		пуст. Чудиново				6		10 1/2
5	Яков Ефремов	д. Григорьевцево	1	1		45	12	14
		д. Михайлоцево		1	3	25		21
		д. Гоголево		3		45		16
		д. Колесница		1		15		14
6	Фёдор Болтин	д. Севрюгино	1	1		30	12	18
		д. Мурга Болцая, Копытцево тож		5		76		48
		пуст. Кречатово				95		42
7	Савлук Кудряцев	д. Блиново	1	2		30	10	14
		1/2 Чуприно		5	1	10		24
		пуст. Середка				15		5
8	Григорий Микифоров	д. Юрьцево	1	1		25	12	16
		д. Фалеево		2		15		15
		д. Игумницево		2		30		24
		пуст. Лисья Гора				10		24
9	Игнатий и Мартемьян Ефремовы	д. Пирогово	2	6	2	35	20	22
		д. Жабья Куря		3		20		16
		д. Холмянка		3		10		7
		пуст. Щетлиха				10		21
10	Ждан Иванов	пуст. Грибово						42
		д. Ножевница	1	7	1	50	12	28
		пуст. Белавино				10		28
11	Симан Ефремов	пуст. Ларюково				30		20
		д. Ильинское	1	4	2	56	12	28
		пуст. Гаврилцево				20		14
12	Кузма Ефремов	пуст. Калинин				30		28
		д. Огарово	1	3		5	12	14
		пуст. Черепаниха				20		45 1/2
13	Кузма Матвеев сын Патрикеев	д. Буйнасово	1	3		45	12	12
		д. Рылово				50		40
		пуст. Сениха				10		28
		пуст. Марженга						3
14	Иван Розварин	д. Покчино	1	5	2	50	12	32
		пуст. Бабей				10		22
		Починок						
ИТОГО			14	92	11	1322	169	1049 1/2

Источник: РГАДА. Ф.1209. Оп.2. Д.14821. Л.264-285 об.